И если безработица затягивается, то онъ невольно опускается все ниже и ниже.

Упали его физическія силы. Пропало его чувство собственнаго достоинства. Изъ квалифицированнаго рабочаго онъ превратился въ случайнаго поденщика, изъ случайнаго поденщика—въ нищаго. Лишившись всего, онъ пытается въ винѣ потопить свое горе, свое униженіе, свой позоръ...

И недавніе товарищи не могутъ узнать его въ пропойцѣ, протягивающемъ руку за подаяніемъ на улицѣ.

А вѣдь этимъ путемъ опустились на дно тысячи и десятки тысячъ людей, которые оставались бы въ рядахъ квалифицированныхъ рабочихъ,—не сломи, не искорежай ихъ жизнь проклятіе безработицы!

Отъ пропойцы-нищаго одинъ шагъ до воришки. Кто, подъ вліяніемъ горькой нужды, опустился на дно, тотъ, подъ вліяніемъ все той же нужды, можетъ пополнить ряды «преступнаго міра». Сколько людей начинаютъ воровать и идутъ на грабежъ лишь потому, что не могутъ найти себѣ честнаго куска хлѣба, не могутъ найти покупателя для своей рабочей силы!

Безработица—заботливая мать преступности. Безработица разрушаетъ домъ и семью рабочаго, превращаетъ его въ паразита и, такимъ образомъ, даетъ его дѣтямъ вмѣсто школы—развращающую среду притона ночлежки. И многія безпризорныя дѣти, выросшія на улицѣ и посаженныя впослѣдствіи въ тюрьмы, обязаны всѣми лишеніями своей мрачной жизни безработицѣ, сломившей и погубившей ихъ родителей.

Достаточно этихъ немногихъ указаній, чтобы представить себѣ, какимъ проклятіемъ является для рабочихъ безработица!

И дѣйствительно, среди безобразныхъ, темныхъ явленій современной жизни нельзя назвать явленіе болѣе уродливое, болѣе безсмысленное, болѣе ужасное, чѣмъ безработица.

Человѣчество борется съ природой, стремится устроить свою жизнь, приспособить къ своимъ нуждамъ землю. Кругомъ непочатое море работы. Несмѣтныя богатства кроются въ нѣдрахъ земли. Болота ждутъ рабочихъ рукъ, которыя осушили бы ихъ. Земля ждетъ труда земледѣльца... Насущныя потребности людей остаются безъ удовлетворенія. И вотъ, въ это время оказывается, что сотни тысячъ людей хотятъ трудиться,—и не находятъ работы! Хотятъ трудиться,—но должны опуститься на дно, превратиться въ нищихъ, паразитовъ, преступниковъ,—такъ какъ никому не нуженъ ихъ трудъ, никому не нужны ихъ рабочія руки.

Здѣсь съ поразительной, вопіющей яркостью вскрывается несовершенство и несправедливость современнаго общественнаго строя!

Размѣры безработицы.

Учесть съ полной точностью, сколько безработныхъ имѣется въ данный день въ городѣ или въ странѣ, очень трудно. Трудно это уже потому, что не всегда можно сразу рѣшить, кого считать безработнымъ.

Считать ли безработнымъ человѣка, который вчера только разсчитался съ завода и имѣетъ въ виду готовое мѣсто, на которое поступитъ черезъ три дня?

Считать ли безработнымъ того, кто, за неимѣніемъ профессіональнаго заработка, довольствуется временной, случайной работой?

Считать ли безработнымъ того, кто, пробывъ безъ работы долгіе мѣсяцы, уже началъ опускаться и не можетъ работать такъ, какъ работалъ раньше?

Въ зависимости отъ того, какъ рѣшимъ мы эти вопросы, подсчетъ безработныхъ дастъ намъ болѣе или менѣе высокую цифру. Рабочіе союзы, опредѣляя число безработныхъ, обыкновенно не включаютъ въ счетъ тѣхъ, кто просто переходитъ съ мѣста на мѣсто и остается безъ заработка лишь въ теченіи нѣсколькихъ дней. Равнымъ образомъ, исключаютъ они изъ счета и тѣхъ, кто уже сломленъ безработицей и не можетъ работать на обычныхъ среднихъ условіяхъ. Но съ другой стороны, они считаютъ безработными всѣхъ тѣхъ, кто, въ поискахъ мѣста, временно перебивается случайной поденщиной.

Когда за подсчетъ безработныхъ берутся чиновники или городскія думы, они опредѣляютъ признаки безработицы по своему и пускаютъ въ ходъ всевозможные пріемы, чтобы уменьшить число безработныхъ.

Для примѣра достаточно упомянуть, какъ считала безработныхъ городская управа въ 1906 г.

Въ это время въ Петербургѣ было около 15 тысячъ безработ-